Жила-была сёмужка

Художественная литература 2026

Жила-была сёмужка

Северная сказка

Ее звали Красавкой.

Это была маленькая пестрая рыбка, очень похожая своей золотисто-палевой, в красных пятнышках, расцветкой на гольянов – самую нарядную рыбешку северных рек.

Вот только голова у Красавки была большая, непомерно толстая, и, наверно, поэтому те же самые гольяны – их семейка жила рядом, в тихой заводи у берега, – никогда не заглядывали к ней на быстринку.

Быстринка – маленькая веточка-протока, оторвавшаяся от пенистого порога. От главной речной дороги, по которой гуляют большие рыбы, ее отделяет серый ноздреватый валун. Сверху валун густо забрызган белыми пятнами – на нем постоянно вертятся трясогузки, а под валуном – промоины, спасительные промоины с холодной ключевой водой. Жарко – ныряй в промоины, разразилась буря-непогодь – и опять выручают промоины. А главное – где бы она укрывалась от врагов?

Врагов много. Враги со всех сторон. Зубастые щуки, рыскающие в прибрежной осоке, огнеперые разбойники окуни, налимы-притворщики, наподобие серых палок залегшие у камней, и даже ерши. Ужасные нахалы! Подойдут скопом к быстринке, развернутся, как для нападения, и стоят неприступные, ощетинившиеся, выпучив большие синие глазищи.

Поэтому Красавка – ни на шаг от своей быстринки.

С утра она ловила букашек и пауков, которых приносило течением, а затем, если было солнечно, играла: то подталкивала носиком искрометные камешки на дне, то прыгала за изумрудными стрекозами, снующими над самой водой, а иногда, ради забавы, даже кидалась на какого-нибудь зазевавшегося малька.

Но особенно она любила наблюдать за большими рыбами. Она часами могла смотреть на пляску проворных хариусов в шумном пороге, на стремительный бег красавцев сигов, которые, подобно серебряной молнии, прорезали темные глубины плеса – огромной ямины, начинающейся сразу за валуном.

В общем, ей нравилось житье на веселой быстринке.

Но вот наступили темные, хмурые дни, с дождями, туманами, и Красавка затосковала.

Солнце теперь показывалось редко, сверху все время сыпались листья, лохматые, разбухшие, и на быстринке было неуютно и сиротливо. А по ночам к валуну стал наведываться обжора-налим. Скользкий, безобразно голый, морда с усищами, он подолгу шарил под валуном, принюхивался, тяжело сопел. Красавка еще глубже забивалась в промоины и до самого рассвета дрожала от страха. И так ночь за ночью.

Что делать? Куда податься?

Однажды утром, в который раз размышляя над своей судьбой, она вдруг увидела слева от валуна, на плесе, там, где пролегала главная дорога в реке, огромную, незнакомую ей рыбу.

Рыба неторопливо плыла вниз по течению, и, когда она изредка взмахивала хвостом, от нее расходились волны. А как она красива была, эта рыба! Тело длинное, сильное, в розовых и золотистых пятнах, могучие темные плавники с оранжевой каймой…

Едва проплыла эта удивительная рыба, как вслед за нею показалась стайка пестряток – таких же цветастых рыбок, как сама Красавка, но только побольше ростом.

И что поразительно: пестрятки бежали весело и беззаботно, словно по меньшей мере они находились под покровительством этой рыбы.

Недолго раздумывая, Красавка поплыла им наперерез.

– Скажите, пожалуйста, – очень вежливо обратилась она к ним, – что это за рыба прошла мимо?

– Как? – удивились пестрятки. – Ты не знаешь свою родственницу семгу?

– Родственницу? – пролепетала изумленная Красавка. – Значит, и я буду такой же сильной рыбой?

– Ну а как же… Вот еще дуреха! – расхохотались пестрятки. – Да откуда ты взялась?

– Я… я тут, с быстринки…

– Ах, да она сеголеток, – разочарованно сказали пестрятки, – и ни черта еще в жизни не видала. Хочешь с нами на порог?

– А что вы там собираетесь делать?

– Спрашиваешь! Когда семга икру мечет, что делают?

Грубость и высокомерная развязность пестряток покоробили Красавку. Но почему бы ей не присоединиться к ним?

На дресвяном приплаве у грохочущего порога творились странные вещи. Большая семга, работая плавниками, разрывала мелкую цветную гальку, а рядом с ней хлопалась еще одна семга, поменьше, – розоватая, с длинной костлявой головой и уродливым хрящеватым отростком на кончике нижней челюсти. Это, как сказали Красавке, был самец, которого называли Крюком.

– А что они делают? – тихо спросила Красавка, с любопытством присматриваясь к семгам.

– Они роют коп – яму, куда откладывается икра.

Пестрятки обошли стороной большую семгу и начали спускаться в шумный, пенистый порог.

– Ой, я боюсь, меня унесет! – закричала Красавка, отчаянно работая хвостиком.

– Да не бойся ты, глупая. Разве такие бывают пороги!

Впрочем, Красавку напугал не столько сам порог, сколько то, что она увидела за горловиной порога. Там, под густыми шапками пены, толпилась крупная рыба: темноспинные хариусы с оранжевыми плавниками, крутолобые, поблескивающие слизью налимы. Зачем же она полезет к ним в пасть?

Красавка прибилась к стайке пестряток, задержавшихся у небольшого валуна, сбоку стремнины, и стала ждать, что будет дальше.

Тускло мерцало оловянное солнце. В горловину порога со стуком скатывались камешки, выворачиваемые плавниками.

Вдруг вода вокруг – семги уже наполовину зарылись в яму – забурлила, закипела ключом. Семги неистово били хвостами, извивались, с яростью терлись брюхом о дресву.

Пестрятки насторожились.

– Что они делают? – шепотом спросила Красавка, кивая на коп.

– Ну и бестолочь! Милуются…

– А зачем?

– Зачем, зачем…

Из-под хвоста большой семги выскользнули веселые оранжевые горошинки и тотчас же от брюха самца отделилось белое мутное облачко…

Пестрятки стремительно бросились на эти горошины.

Красавке тоже удалось схватить несколько штук.

– Ну как, хороша семужья икра? – спросила ее одна из пестряток.

– Вкусна. Очень вкусна. – Красавка от удовольствия даже помахала хвостиком. – Я ничего подобного не ела.

– То-то же!

Меж тем икринки все выкатывались и выкатывались из-под хвоста семги, янтарной цепочкой растекались по течению. Их хватали пестрятки, заглатывали налимы, за ними охотились хариусы. И так продолжалось день и ночь.

Красавка наелась до отвала.

Она была очень благодарна большой семге и решила хоть на словах выразить ей свою признательность.

– У вас очень вкусная икра, – сказала она, осторожно приближаясь к ней сбоку.

– Ты пожирательница своего рода, – прохрипела семга. Глаза у нее были мутные, осовелые, она с трудом ворочала плавниками, и по всему чувствовалось, что страшно устала.

– Что это значит?

– Я мечу икру – и из каждой икринки должна вырасти семужка. А ты пожираешь своих сестер и братьев.

– Боже мой! Неужели? Простите, пожалуйста. Я не знала.

Несколько секунд Красавка растерянно смотрела по сторонам, затем бросилась усовещевать пестряток:

– Стойте! Остановитесь! Знаете ли вы, что делаете? Вы поедаете своих сестер и братьев.

Пестрятки рассмеялись:

– Чистоплюйка! Вздумала мораль читать. Сама налопалась, а другие не моги…

Красавка, опечаленная, вернулась к семге:

– Они меня не послушали.

Семга ничего не ответила. Она выбиралась из копа.

Крюка уже не было.

Красавка, влекомая любопытством, подплыла к кромке копа, заглянула в него. Там, на дресвяном дне, кое-где посеребренном чешуей, лежала горка веселых оранжевых икринок. И, казалось, они улыбались, точно радуясь своему появлению на свет. Неужели это правда, что из этих вот крохотулек вылупятся рыбки?

Вдруг в яму посыпались камешки, песок. Красавка с испугом отпрянула в сторону. Большая семга, работая хвостом и плавниками, засыпала коп.

– Послушайте, – вне себя закричала Красавка, – что вы делаете? Ведь икринки погибнут под дресвой.

– Не погибнут, – ответила семга. – Вот если бы я их не засыпала, тогда бы они погибли. Их пожрали бы рыбы. А так икринки будут лежать до весны. Большой водой размоет коп, и из них к тому времени вылупятся маленькие рыбки. Поняла?

– Но почему, – допытывалась Красавка, – вы позволили рыбам поедать икру? Почему вы не отогнали их? Ведь вы такая большая и сильная.

– Ах, ты еще ребенок и ничего не понимаешь. Вот когда ты станешь матерью, ты узнаешь, каково рожать детей. Я измучена, у меня нет сил. Я с трудом двигаю плавниками. А мне еще надо идти в море.

– В море? А это что такое?

– Море… – У семги на мгновение блеснули глаза. – Море – это далеко, очень далеко. И ты еще узнаешь его в свое время.

Выгибая хвост, семга начала разворачиваться. На нее было больно смотреть. Тело ее похудело, высохло и стало плоским, как доска. На брюхе появились кровоточащие ссадины.

Быстрая стремнина подхватила семгу и понесла в пенистую горловину порога.

– Счастливого пути! – крикнула вдогонку Красавка.

Ей никто не ответил. Ревел порог. На месте недавней ямы-копа, где лежала семга, бугрился маленький холмик, омываемый струйками воды. Пестрятки, отяжелевшие от еды, медленно поднимались вверх по течению.

«Как странно и непонятно устроена жизнь… – думала Красавка. – Зачем пошла семга в море? И что такое море?»

С этим вопросом Красавка обращалась ко многим рыбам. Но никто из них: ни ельцы, ни сиги, ни хариусы, ни тем более такая глупая и нахальная рыбешка, как ерши, – никто из них ничего не слыхал про море. Может быть, о нем знают щуки и окуни? Но как подступиться к этим живоглотам? Ни одна рыба не может без страха пройти мимо их урочищ, а тут добровольно плыть на верную гибель…

Ночи стали еще длиннее и тоскливее. Сверху целыми днями сыпались белые хлопья. На реке выросла мохнатая ледяная шуга. Куда девалось солнце?

Вокруг поговаривали, что так бывает каждый раз, когда от них уходит семга.

Неужели она унесла с собой солнце? О, это было бы жестоко, слишком жестоко!

Рыбы присмирели, притихли, стали вялыми и неподвижными. Многие из них перекочевали к порогу – там еще играла вода и было легче дышать.

Но вот и порог заковало льдом. В реке воцарилась сплошная ночь.

– Что же это такое? – со страхом спрашивала у рыб Красавка.

– Это пришла пора большой духоты – самое тяжелое для нас время.

На яме – зимней стоянке рыб – великая теснота. Сюда перебрались все обитатели реки, большие и малые. Душно. Темно. В нижних этажах ямы день и ночь разбойничает налим, у которого, по разговорам, в это время начинаются свадьбы, и оттуда часто доносятся вскрики очередной жерты.

Красавка, стоявшая у какого-то камня на выходе к порогу, была ни жива ни мертва. Она задыхалась. Ей не хотелось ни есть, ни двигаться. Только бы глоток свежей воды. Один-единственный глоток! А потом ей стало все безразлично. На нее напала спячка, длинная и тягучая…

Избавление, как это ни странно, пришло от щуки, так по крайней мере говорили в реке. Будто разозлилась однажды щука, ударила хвостом по ледяному панцирю, и тот распался.

Ах, какое это счастье – снова вволю дышать, двигаться, ловить личинок, вдоволь есть!

По всему плесу, празднуя свое освобождение, рыбы водили брачные игры. Целыми днями в берегах клокотали щуки, бесновались в курьях окуни, распуская серую кисею икры, весело рассекали мутную воду косяки хариусов, и даже голубоглазые ерши, воинственно ощетинив перья, без передышки пировали в тихих заводях. Потом заговорили, запенились пороги, зазеленели подводные луга – излюбленные пастбища рыб летом, а потом… потом в реку спустилось солнце и золотыми искрами рассыпалось по каменистому дну.

Ура, к нам идет семга!

Красавка лишилась сна и покоя. Она постоянно прислушивалась ко всем звукам и всплескам, выплывала на плес и часто, хотя и украдкой, смотрелась в блестящие камешки – очень уж ей хотелось быть посолиднее да покрасивее. Что ж, кажется, она подросла немножко, а платье ее стало еще цветастее. Наконец, не выдержав, она перебралась поближе к порогу. Ведь оттуда,

из этой кипящей пучины, должна прийти семга. И кто же, как не она, Красавка, должна встретить ее?

Был ранний час. Рыбы еще только-только просыпались.

И вдруг по всему плесу прокатился невероятной силы грохот. Пошли волны. Это царь-рыба извещала плес о своем возвращении.

…Вот она, вот! Серебряным клином прорезает темную яму. Яростный взмах хвостом – и тело ее в брызгах и пене взлетает над водой…

Тихо и жутко стало в реке, когда она кончила свою пляску. Рыбы, и малые, и большие, затаились в своих тайниках.

Красавка смело поплыла к семге. Чего ей бояться?

Ведь это ее старая знакомая.

– Здравствуйте. Вы узнаете меня?

Семга хмуро посмотрела на пеструю пигалицу.

– Ну как же? – с живостью подсказала Красавка. – Прошлой осенью на копе. Помните, я еще провожала вас в море?

– Ты путаешь, девочка. Я не была в прошлом году здесь.

– Вот удивительно! Ну точь-в-точь такая же была семга – только платье на ней было другое. Розоватое, с желтыми блестками. И она еще хотела рассказать мне про море.

– Море? – У семги зажглись глаза. – Море – это хорошо. Там сейчас много солнца. А какие штормы, волны…

– Ах, как бы я хотела в море! – с жаром воскликнула Красавка.

– Тебе еще рано. Но через год, – семга оглянула ее более приветливо, – ты увидишь море. А теперь посторонись. Я хочу пройтись по плесу.

Короткий взмах хвостом – и в темную глубь реки побежала веселая, сверкающая белыми и желтыми камешками дорожка.

Жить стало очень интересно. Щуки теперь не решались высунуть носа из травы, налимы, разморенные жарой, отлеживались под корягами. А как завидовала Красавке всякая мелкота! Еще бы – дружить с самой семгой! Ни одна рыба не смеет гулять по семужьим тропам, а Красавка гуляет каждый день. А кто осмелится запросто подплыть к семге, когда та отдыхает солнечным днем в травнике, и завести с ней разговор о море?

Но больше всего Красавка любила те минуты, когда семга водила свои утренние и вечерние пляски. Бух-бух – гулко разносится по плесу, и где-то в сторонке, у бережка, беззвучно, как от дождинки, расходятся маленькие кружки. Это Красавка учится семужьим пляскам.

Да, – многому научилась она у семги. И все-таки сколько еще было в жизни старой семги такого, что, казалось, совершенно непостижимо для Красавки! Красавка, например, ни разу не видела, чтобы семга ела.

– Мы, семги, – был ответ, – совсем не едим в речной воде. И ты в свое время будешь обходиться без пищи.

Или вот еще диковина. Семужье серебряное платье вдруг ни с того ни с сего потускнело, стало приобретать мутный, розовый отлив.

– А вы здорово загорели, – сказала однажды Красавка, стараясь доставить удовольствие семге.

Та в ответ слабо улыбнулась:

– Нет, это не загар. Это приближается время нереста, время брачных игр, и мы, семги, надеваем новые платья – яркие, радужные…

– Рассказывайте, рассказывайте дальше.

– Ты еще маленькая, и тебе рано об этом знать.

Наконец наступило время, когда семга перестала плясать. Ее теперь все больше тянуло на лежку, бросало в дрему.

– Вам невесело со мной, да? Или я что-нибудь не так сделала? – с горечью допытывалась Красавка.

Старая семга обычно отмалчивалась, но однажды вдруг рассердилась:

– Отстань! Надоела ты мне со своими расспросами.

Как знать, может быть на этом и кончилась бы ее дружба с семгой, насилу мил не будешь, но тут неожиданно свалилась беда, которая круто перевернула всю рыбью жизнь.

На реке появились люди – самке опасные враги, как сказали о них рыбы. Они, эти люди, походили на деревья, что росли возле речки. Но только деревья эти двигались, издавали страшный шум и грохот. Они толкли воду длинными кольями, распускали коварную паутину по реке.

Рыбы как оглашенные носились по взбаламученному плесу.

Вечером, когда все затихло. Красавка отправилась разыскивать свою родственницу. Боже, что творилось на плесе! Не плещутся больше веселые хариусы в порогах за серым валуном, на стоянке у жирных ельцов пусто. Пусто и в доме приветливых сигов.

А семгу, великую семгу. Красавка нашла в невероятном месте – в темной яме у берега под обомшелой корягой!

– Они ушли? – спросила семга.

– Да, их нету.

– Но они придут, придут, – сказала с мрачной убежденностью семга. – Они не оставят меня в покое.

И точно, в последующие дни опять приходили люди и опять гремели кольями, опутывали плес своей паутиной.

Семга теперь по целым дням не выходила из своего укрытия. Ерши злорадствовали при встрече с Красавкой:

– Ну что твоя тетка? Струсила? А нам хоть бы что! Нам сам черт нипочем.

Обнаглели щуки, пользуясь безнаказанностью.

Красавка умоляла семгу:

– Уходите, уходите. Мне очень, очень скучно будет без вас. Но вам нельзя здесь оставаться. Вас могут поймать.

– Нет, мне нельзя уйти отсюда, – отвечала семга. – Ты еще маленькая и ничего не понимаешь.

Дни потекли серые и однообразные. Дожди. Ненастье.

Мутные, затяжные рассветы по утрам. Красавка «сбилась с ног»: ей надо было и добывать для себя еду, и остерегаться речных хищников, и навещать семгу.

И вот случилось так, что однажды пришла Красавка к убежищу семги, и там ее не оказалось.

День и два бегала Красавка по плесу, искала свою родственницу. Шел дождь. Качались валы. Рыбы сиротливо жались к корягам и камням. И никто из них не знал, куда девалась семга.

В конце концов Красавка отыскала ее на приплаве у нижнего порога. И все тут было точь-в-точь как в прошлом году: в дресвяной яме, тяжко ворочаясь, лежала семга, над ней, самозабвенно извиваясь, колдовал розовый Крюк, распуская белый шлейф, а внизу, в пороге, с разинутыми пастями толклись налимы, юркие хариусы, пестрятки.

– Ах, как я рада, что снова вижу вас! – сказала Красавка, подплывая к семге. – А я так волновалась, так волновалась. Почему вы ушли, ничего не сказав мне?

Семга молчала. Красавка из деликатности отошла в сторонку. А потом, когда семга вылезла из копа и стала зарывать его дресвой, она снова подплыла к ней:

– Вы сейчас в море? Возьмите меня с собой.

– Тебе еще рано. У тебя не хватит сил. О, это далекий-далекий путь. И я сама боюсь его.

– Ну так оставайтесь здесь. Я бы все-все стала делать для вас.

– Не говори глупостей. Я задохлась бы в этой речонке.

Развернувшись, семга устало сказала: «Прощай» – и, подхваченная стремниной, стукаясь головой и телом о камни, покатилась в порог.

Глухая тоска сдавила сердце Красавки. Она смотрела туда, в пенистую горловину порога, в котором только что исчезла семга, и с ужасом думала о том, что ее ждет впереди. Духота, темень, вечный страх перед щукой и налимом… А там где-то море, простор. И солнце, много солнца.

Нет, она не может больше оставаться в реке. Нет, нет!

Красавка напружинила мускулы и очерти голову кинулась в клокочущую пасть буруна.

Шумные, рокочущие пороги, широченные плесы, бездонные ямы… И нет им ни конца, ни края.

Старая семга, израненная, изможденная, с растрепанными, измочаленными плавниками, казалось, совсем обессилела. В бурных порогах ее вертело, как щепку, било о камни. Но она все плыла и плыла…

Самое трудное для Красавки было добывать еду.

Впрочем, пока они плыли маленькой речкой, она еще кое-как справлялась с этим: там схватит букашку, тут подцепит какого-нибудь червяка.

Но вот они вошли в большую реку, и Красавка приуныла. Голод терзал ее. Правда, она ухитрялась иногда свернуть на отмель и схватить какого-нибудь жучка. Но разве это еда?

Однажды, когда они шли угрюмым, глубоким плесом, старая семга вдруг обернулась:

– Идешь все-таки?

Красавка смутилась – она ведь думала, что старая семга до сих пор не заметила ее.

– Ты храбрая девочка, – сказала семга. – Но я советую тебе вернуться домой. Скоро начнется новая река, и там ты совсем не найдешь еды. Вернись. Ты еще успеешь добраться домой до наступления большой духоты.

Красавка, пригорюнившись, молчала.

– Слушай же ты, глупая! – повысила голос старая семга. – Знаешь ли ты, сколько нас гибнет на этом великом пути? Твое время еще не пришло. Семужья молодь скатывается в море весной. Поняла?

Слова старой семги совсем пришибли Красавку. Она-то теперь понимала, как безрассудно поступила, отправившись в это путешествие. Но что ей делать?

Скоро они вошли в новую реку. Боже, какая черная вода! Темень, глубь. И хоть бы одна отмель на пути. От постоянного недоедания у нее кружилась голова, плавнички стали вялыми и непослушными. Она плакала, завидовала старой семге, которая так долго может не есть.

Как-то раз, когда ей совсем стало невмоготу, она не выдержала, взмолилась:

– Остановитесь же немножко. Я не могу больше без еды. Постойте здесь, я сплаваю к берегу.

– Мне нельзя останавливаться, – прохрипела старая семга. – Я хочу есть. Я вся высохла. От меня остались одни кожа да кости.

– Так давайте поплывем вместе к берегу.

– Ты забыла, что я не могу есть в пресной воде. Для меня здесь нет пищи.

– Ну можете же вы минутку обождать? – И Красавка, полагаясь на сознательность старой семги, поплыла к берегу.

У берега был лед. Но ей все-таки удалось разыскать несколько червяков. Повеселевшая, воспрянувшая духом, она поспешила назад. Семги на старом месте не оказалось. Красавка кричала, бегала вокруг, потом, сообразив, что семга могла уйти вперед, кинулась догонять ее.

Она плыла-плыла, долго плыла, а семги все не было. Ужас и отчаяние охватили ее. Что же с ней будет теперь?

На ее счастье, в это время показалось несколько семог, идущих одна за другой сверху. Красавка несказанно обрадовалась:

– Вы куда? Не в море?

– Да, мы идем в море.

– Вот хорошо-то! Мне тоже в море.

– Тебе в море? – устало рассмеялись семги. – Да как ты вообще попала сюда?

– О, я издалека. Сначала мы со старой семгой плыли маленькой речкой, потом большой, а потом заплыли в эту…

– А-а, – семги переглянулись, – она, верно, из того рода, что каждое лето уходит в верховье Юлы.

– Да, я слыхала, наша речка впадает в Юлу. А вы откуда? – Красавка рада была отвести душу с этими разговорчивыми и еще довольно сильными рыбами.

– Мы? Мы не такие глупые, как в вашем роду. У нас дом ближе. И мы меньше устаем. Но все-таки, – снова спросили семги, – как ты оказалась здесь? Это неслыханно! Ты еще совсем глупая девчонка!

– Да, наверно, глупая, – с печалью в голосе согласилась Красавка. – Так мне и старая семга говорила.

– И она глупая. Еще глупее тебя. Разве можно было брать с собой сопливую девчонку? Посмотри, ты ведь даже из детского платьишка не вылезла. А тоже в море собралась…

Что ж, пускай смеются. Только бы не гнали ее. И снова путь. И снова голод. Снова бесконечная угрюмая река – без берегов, без дна…

Наконец однажды на рассвете семужья стая вышла на песчаную отмель. Впереди что-то грохотало, ухало. Мутно-зеленая вода, накатывавшаяся волнами, отдавала соленой горечью.

Красавка, прислушиваясь к грохоту, робко спросила:

– Что это такое?

– Это море, глупая. Море! Как хорошо!

Семги лежали на песчаной отмели, как на перине, страшно усталые, изможденные, тихо покачиваясь на зыбкой волне. Зубастые пасти их были широко раскрыты, и они с наслаждением вбирали в себя соленую, горьковатую воду, от которой у Красавки кружилась голоса.

– Что, мутит? – спросила ее ближняя семга. – Это морская болезнь. Но она скоро пройдет. Тебе повезло, малютка. Ты первая в этом возрасте достигла моря.

Семги еще полежали немного и вдруг с неожиданной силой взмахнули хвостами. Красавка

кинулась вслед за ними, но внезапно налетевшая волна отбросила ее назад.

– Постойте, постойте! – закричала она. – Подождите меня.

– Не робей, детка! – донесся поощряющий голос из глубины. – Тебе только перескочить вал, а здесь тихо, спокойно.

Море бурлило, ревело, выворачивало со дна песок.

И долго еще, как щепку, кидало Красавку из стороны в сторону, пока она наконец не достигла глубины, где стояли семги.

Темно, мрачно. Наверху качаются громадные белые льдины…

И это море, море, о котором она так мечтала! Нет, не таким она представляла себе море. Оно казалось ей большой светлой рекой, вечно залитой солнцем. Или ей наврали про солнце, которое уносят из реки семги? Где оно, это солнце? Она ни разу не видела его за всю дорогу.

Но еще больше разочаровали ее сами семги. Когда сбоку в зеленой толще воды показалась стайка серебристых рыбок, похожих на уклеек, семги с криком «Сельдь, сельдь!» набросились на них. Началась дикая, отвратительная бойня. Трепещущие рыбки одна за другой стали исчезать в зубастых пастях.

Красавка с ужасом смотрела на это пиршество. Так вот зачем они ходят в море!

Когда было покончено с сельдью, семги, отрыгивая, с довольным видом поглядывая друг на дружку, сказали:

– Ну, кончился наш великий пост. Теперь-то мы поедим вдоволь.

– А ты чего глаза таращила? Не проголодалась? – кивнула Красавке одна семга.

– Но я ем только червяков и рачков.

– Э-э, нет, – сказала семга, – червяки и рачки – это не семужья еда…

– Но я не понимаю, как можно глотать живых рыб. Ведь им же больно.

Семги расхохотались:

– Запомни, детка. Море – это вот что: либо ты съешь, либо тебя съедят. И с червяком в брюхе не много нагуляешь по морю. Море любит сильных.

– И еще запомни, – сказала другая семга: – Держись подальше от нас. Мы ведь не всегда разбираем, кто попадает нам на зубы. Поняла?

И семги, дугой выгибая хвосты, лихо побежали вперед.

Ушли… Одна в целом море… Что же будет теперь с нею? Бежать, догонять их? Но она вспомнила предупреждение семги, и сердце у нее сжалось от страха. Все враги. Даже на семог нельзя положиться…

По сторонам мелькали какие-то загадочные, пугающие тени, внизу – черная непроглядная пучина. Голод выворачивал ей внутренности.

Она поплыла к берегу. Там есть дно – и должна же она найти хоть какого-нибудь червяка.

Но в тот день ей не суждено было раздобыть еды.

Едва она начала различать иловато-песчаную желтую россыпь дна, как оттуда стремительно вынырнула большая красноперая рыба. Красавка из последних сил кинулась в сторону…

И скоро все стало так, как было когда-то в реке. Она лежит у большого валуна, прижимаясь своим вздрагивающим тельцем к песку. Голодная, одинокая. Так зачем же она пошла в это море?

Ночь была длинная, темная. Вокруг ползали какие-то красные и голубые огоньки. Камень вздрагивал от ударов льдин, ворочался. В черные прогалины воды заглядывали далекие, но такие колючие звезды. И всю ночь, не смея отойти от камня, не смыкала глаз голодная Красавка.

К утру камень оброс льдом. Сквозь него начал слабо пробиваться розовый рассвет. Потом постепенно выжелтилось песчаное дно, голое, неуютное. Где же червяки?

Где рачки? Неужели ей помирать голодной смертью?

Вдруг она увидела, как неподалеку от нее зашевелился крохотный песчаный холмик. Из холмика проклюнулся сначала остренький носик, а затем, извиваясь, выскользнула узенькая полосатая рыбка. Это была песчанка, которая на ночь зарывается в песок. Красавка, не помня себя, бросилась на рыбку… А потом она заглатывала эту рыбку и плакала. Плакала оттого, что она оказалась такой же хищницей, как все остальные семги.

Но теперь она знала, что не умрет.

Ранней весной у берегов Северной Норвегии скопляются громадные косяки сельди. Тут ее нерестилища. Бухты и отмели, забитые сельдью, похожи на гигантские котлы.

Воздух рвется, раскалывается от крика ненасытных чаек.

Трещат лебедки рыбачьих траулеров. А со стороны моря на беззащитную сельдь вихрем обрушивается семга.

В одной из таких бухт жировала и наша Красавка. Но кто бы теперь узнал ее! Прошло всего полтора года, а маленькая пестрая рыбка, едва достигавшая размеров среднего пескаря, превратилась в полуметровую рыбину со сверкающей серебряной чешуей. Правда, по сравнению с другими семгами она все еще была недорослком, но зато выносливости и проворности ее могла позавидовать любая старая семга.

Она не знала расслабляющей усталости. Ее не страшили ни бури, ни штормы. Она могла целыми днями гнаться за крылатыми тенями, скользящими по поверхности воды, потому что чайки – главные поводыри семги в море. И они рано или поздно наведут ее на новый косяк сельди.

И еще одно отличало Красавку – необыкновенная прожорливость. Соленая вода вызывала у нее бешеный аппетит, а кроме того, у Красавки были еще другие причины «нажимать» на еду. «Море любит сильных!» О, она хорошо запомнила этот урок.

У нее не было времени, чтобы месяцами приспосабливаться к новым условиям, как это делает

семужья молодь, скатывающаяся в море весной. Она должна была пройти этот курс в спешном порядке. Да еще глубокой осенью. И она прошла его.

Почти месяц Красавка провела у берегов Северной Двины. И весь этот месяц она беспрерывно ела и ела. Скорее вырасти! Скорее стать такой же сильной, как семги!

И вот настал день, когда она почувствовала себя достаточно окрепшей, чтобы присоединиться к последнему семужьему косяку, уходящему в открытое море.

У нее дух захватывало от новизны. Необыкновенные подводные луга из красных и бурых водорослей, новые неведомые рыбы, медузы, гигантские чудища – акулы, тюлени, которые, подобно бревнам, выскакивают из черной морской пучины…

Много врагов в море. Каждую секунду будь начеку. Но какой простор! Какая ошеломляющая ширь и свобода!

Сотни, тысячи километров проходит беломорская семга, чтобы попасть к берегам Норвежья – своим извечным морским пастбищам. И тут начинается для нее настоящий праздник – сплошное, непрерывное пиршество.

Красавка с быстротой молнии налетала на беззащитную рыбу. Еще плывут где-то сзади старые семги, прицеливаясь к своим жертвам, а она уже яростно вонзает свои молодые зубы в добычу. Хруст рвущейся рыбы – и она снова летит вперед. Нельзя задерживаться! Старые семги не будут разбирать, кто ты – их родственница или селедка.

Шли недели и месяцы. Над буйным Баренцем встало немеркнущее солнце. Начиналось любимое рыбами время года. Но что это происходит с семгами? Они всё медленнее и медленнее продвигаются вперед, часто принюхиваются к «воде, наконец однажды семги собрались в косяк и повернули назад.

Красавка немало была удивлена этим.

– Послушайте, – сказала она, догнав хвостовую семгу, – почему вы повернули обратно? Разве вам мало здесь пищи?

– Как? Ты забыла, что мы в эту пору возвращаемся на родину?

– На родину? Это что? Новое море?

Семга удивленно выпучила глаза, затем громко расхохоталась, так что остановились другие семги.

– Нет, вы послушайте! Она не знает, что такое родина. Она называет родину морем.

Семги окружили со всех сторон Красавку и с возмущением заговорили:

– Какой позор! Какой стыд! Она забыла родину.

– И тебя не тянет, несчастная, домой?

– Ты забыла, откуда пришла в море?

Красавка искренне пыталась припомнить, что такое родина, откуда она пришла в море, но в памяти ее смутно всплывала какая-то духота, тяжкий и мучительный путь.

– Ты самая несчастная из всех семг, – устрашающе заговорила самая большая семга. – Ты забыла родину, ты забыла великий закон наших предков.

– Простите, пожалуйста, – сказала Красавка. – Но почему вы так враждебно разговариваете со мной? Может быть, я виновата. Но я действительно плохо помню то, что вы называете родиной, – ведь я совсем маленькой пришла в море, и я совершенно не слыхала о великом законе предков.

– Нет, это бог знает что! – с негодованием восклицали семги. – Какая молодежь пошла нынче! Она не слыхала про великий закон предков! А про что же ты слыхала?

Красавка вспылила:

– Вы бы лучше объяснили мне, чем орать. Что же в том плохого – ведь я честно признаю, что не слыхала про великий закон предков. Не хотите же вы, чтобы я лгала?

Нашлась, однако, одна рассудительная семга, которая заговорила с ней спокойно и деловито:

– Так ты говоришь, не слыхала про великий закон предков? Но разве ты уже не исполняла его? Разве ты еще не возвращалась на родину?

– Нет, я приплыла в море откуда-то совсем маленькой.

– Это поразительно, – заговорили семги, переглядываясь друг с дружкой. – Ей надо объяснить великий закон наших предков.

– Ну, так слушай же, – торжественно начала рассудительная семга, – и постарайся запомнить навсегда. Давно, давно это было. Наши предки тогда постоянно жили в реках и мало чем отличались от других рыб, тем более от таких, как наши родственники сиги и хариусы. Как сиги и хариусы, они довольствовались лишь тем, что ходили от устья до вершины реки и собирали пищу. Пищи было мало. Наши предки часто голодали, росли хилыми и вялыми, и мясо у них было белое, как у других речных рыб. А потом наступала зима, и им совсем становилось худо. Они задыхались под ледяным панцирем, гибли. Их притесняли щуки, налимы… И так было до тех пор, пока в семужьем племени не родился один юноша, по имени Лох. Это был необыкновенный юноша. Сама природа отметила его. На нижней челюсти у него вырос крюк – потому-то с тех пор всех мужчин в нашем роду зовут еще крюками. О смелости Лоха слагали легенды. Он не кланялся ни налиму, ни окуню и даже злой щуке не уступал дороги. И вот однажды, когда стало приближаться время большой духоты, Лох начал подбивать самых молодых и отважных:

„Нам нельзя больше жить по-старому. Наш род вымирает, гибнет от злых щук, гибнет от тесноты и духоты. Пойдемте искать новые воды“.

Услыхали эти слова старики и призвали Лоха к ответу. Много было споров на том сборище, дело не раз доходило до драки. Но в конце концов умные старики рассудили.

„Что ж, – сказали они Лоху, – в твоих словах много правды. Наш род действительно хиреет с каждым годом.

Бери самых сильных и иди – ищи новые реки. Но прежде чем отправиться в поход, ты должен поклясться, Лох: ты не забудешь родину отцов – ты будешь носить ее в своем сердце. И ты вернешься домой. Иначе тебе не будет удачи“.

Лох со своими смельчаками дал клятву и ушел.

Долго Лох и его товарищи не подавали о себе вестей.

И все думали, что они погибли. Над семгами смеялись налимы и окуни, а злые щуки совсем обнаглели, в любое время нападали на семужьи стаи. Но вот однажды, когда миновало время большой духоты и в реку вернулось солнце, в нашей реке появились необыкновенные рыбы. Их было немного – всего несколько, но зато какие это были рыбы! Большие, сильные! И тело их было словно отлито из серебра. Они шли серединой реки, и тогда все разбегались по сторонам, а когда они начинали резвиться, подпрыгивать кверху, даже щуки замирали от страха.

Наши предки, убоявшись их, кинулись бежать вместе с другими рыбами. И вдруг громовой голос прокатился по реке:

„Куда же вы бежите от нас? Ведь мы же ваши сыновья и братья. Разве вы забыли своего Лоха?“ Да, это был Лох, наш великий Лох… Он говорил на нашем семужьем языке. И тогда наши предки повернули навстречу этим молодцам. И была радость великая и ликование в семужьем племени.

„Где ты пропадал, Лох? Откуда явился? Как ты стал таким великаном, в то время как мы едва не умерли от духоты?“

И Лох рассказывал, рассказывал, какой путь он проделал со своими товарищами, как много их погибло на этом пути, а потом он стал петь гимны морю, морю, где рождаются богатыри. Там необыкновенные просторы, говорил Лох, там много еды, так много, что он, Лох, и его товарищи могут ничего не есть все лето. Подойдите ко мне поближе, говорил Лох, потрогайте мои мускулы, мой хвост.

И это все мне дало море. Я на всю жизнь просолел морской солью, и тело у меня стало красное, как закат.

И тогда наши предки, воспламененные его речами, воскликнули:

„Веди нас в море, Лох! Мы хотим стать такими же крепкими и могучими, как ты и твои товарищи“.

„Хорошо, – сказал Лох, – я отведу вас в море. Но отведу не раньше, чем настанет время большой духоты.

А пока я хочу насладиться вдоволь пресной водой, порезвиться в родной реке, ибо только мысль о ней давала нам силы в борьбе с морской стихией“.

– С тех пор, – заключила семга, – мы и стали жить по закону великого Лоха. Когда наступает время большой духоты, мы идем в море, а когда оно проходит, мы возвращаемся на родину предков.

Красавка слушала как зачарованная. Так вот какой тайной окружен ее род! Так вот зачем семги ходят в море!

А она-то, глупая, думала только о жратве, о своих собственных удовольствиях. И ей стало нестерпимо стыдно за свою мелочную, эгоистичную жизнь.

– Скажите, – спросила она, – а что же сталось с великим Лохом?

– Великому Лоху за его подвиг природа даровала бессмертие.

– И он жив сейчас? – воскликнула Красавка.

– Да, он живет среди нас.

– Боже мой! И я увижу великого Лоха?!

– Нет, – сказала семга. – Ты никогда не увидишь его. В твоем сердце не живет закон великого Лоха. Ты забыла родину. А великий Лох выбирает в подруги только ту из нас…

– Вот как, – перебила Красавка, – с великим Лохом можно даже дружить! Ах, как бы мне хотелось стать его подругой!

– Нет, – сказала семга. – Ты никогда не станешь его подругой. Он выбирает из нас самую достойную и самую смелую, ту, что превыше всего чтит его закон.

Красавка, опечаленная, задумалась. Как жаль, что она никогда не увидит великого Лоха, не станет его подругой!

Но разве она не смелая? Разве старые семги не говорили ей когда-то, что еще не было в их роду такой безрассудной девчонки, которая бы рискнула в ее возрасте отправиться в море?

Красавка сразу повеселела. Ей хотелось спросить» где и когда великий Лох выбирает себе подругу – должна же она попытать своего счастья, – но косяк семог, словно забыв про нее, был уже далеко.

Красавка кинулась догонять их. Да, она выполнит закон великого Лоха. Она пойдет в родную реку, и, может быть, однажды великий Лох, прослышав о ней, сам придет к ней.

Долго шли семги бурным морем. Шли мимо каменных гряд, шли бездонными глубинами, шли песчаными отмелями.

Красавка часто вырывалась вперед. Как знать, может быть, откуда-нибудь со стороны на них смотрит сам великий Лох, и она должна быть на виду.

Как-то раз у песчаной косы они наткнулись на большой косяк крупных семог. У Красавки сладко забилось сердце.

Ей подумалось, что, наверно, это и есть то место, куда со всего моря стекаются семги и где им устраивает смотр великий Лох. Но семга, к которой она обратилась за разъяснением, презрительно скривила губы:

– Это морянки. Их не уважает великий Лох.

– Почему?

– Потому что они плохо соблюдают его закон. Они начинают свой ход в родные реки только осенью и осенью же скатываются в море.

Красавка решительно отвернулась от этих негодниц.

Она ничего общего не желает иметь с ними, раз они наполовину изменили великому Лоху. Она легко бежала вперед и первой бросалась навстречу грохочущей волне: великий Лох любит

смелых!

Потом был незабываемый момент, когда она вкусила пресной воды. Старые семги, расслабленно покачиваясь на мелкой волне, не стесняясь, плакали.

– Здравствуй, родина, – тихо и молитвенно шептали они.

Я чую запах своей реки! – раздался радостный возглас.

– И я! И я!.. – закричали семги.

У Красавки трепетало сердце от счастья. Ей тоже казалось, что в рот ее бьет какая-то томительная, волнующая струйка воды. И тут случилось невероятное: в памяти ее начала оживать далекая-далекая речка с певучими порогами.

«О, как хорошо, как хорошо!» – шептала про себя Красавка. Нет, нет, не правы те, кто говорил, что в ее сердце не живет закон великого Лоха. Он живет. Она знает теперь путь на родину своих предков. Тоненькая струйка родной воды, как нитка, поведет ее вперед.

Путь был нелегок. Бешеное течение, ледяные заторы, какая-то преграда из бревен во всю реку. Но что ей теперь эти препятствия, если жизнь ее наполнена великим смыслом!

– Вот мы и дома, – сказали однажды семги, останавливаясь на широком плесе. – Слышите, как приветствует нас родная река?

Издали доносился глухой шум воды.

– Это гремят наши пороги, – пояснила одна из рыб, с которой часто плыла рядом Красавка. – Ах, какие у нас пороги! А вода – чистая, ключевая. Пойдем с нами, – вдруг предложила она Красавке. – Ты хорошая товарка. Мы славно повеселимся в нашей реке. Мы тебя научим нашим пляскам. А какие у нас молодцы лохи!

– Нет, нет, – сказала Красавка. – Я должна идти в свою реку. Разве ты не знаешь закон великого Лоха?

Немного спустя от семужьего косяка отделилась еще одна семья, затем отделилась другая и третья, а Красавка с поредевшей стаей все продолжала двигаться вперед.

Плохо, конечно, что у нее так далеко родина, но родину не выбирают.

Их было всего лишь несколько рыб, когда однажды на утренней заре они вошли в родную реку. Но боже, как они радовались, вступая в нее! В горловине устья звонко журчала вода, прыгая с камня на камень. Наверху ходили туманы, и молодое, розовое солнце с любопытством подглядывало за большими серебряными рыбами, плескавшимися в пороге.

– Вот это водичка, – говорили семги, блаженно замирая под щекочущей струёй. – Такой реки, как наша, на целом свете не сыскать.

Омывши дорожную пыль, они вышли на ближайший плес и начали свою первую пляску в реке – так приветствовали родину еще их предки, возвращаясь домой из далекого странствия.

Красавка, по общему признанию, прыгала выше всех.

И ей очень приятна была похвала опытных подруг.

Затем наступило ни с чем не сравнимое путешествие по родной реке. Целыми днями искрится галька и песок, поют пороги. И тишина, ласковая тишина малиновых зорь… Мечется в панике речная мелочь. Ельцы, ершишки, хариусы – все разбегаются по сторонам. Глупые! Ну чего же вам-то бояться! А вот злодеек-щук – тех следовало бы проучить. Хватит, поразбойничали на своем веку. Но где они? Неужели те колючие огоньки, время от времени зло вспыхивающие в зеленой прибрежной осоке, – их глаза?

Ага, струсили, проклятые!

Постепенно вода в речке начала падать. Семги одна за другой стали вставать на плесы – места, где они выросли.

И каждая из них предлагала Красавке свой дом, но Красавка наотрез отказывалась. Разве можно нарушать закон великого Лоха? Нет, нет, она пойдет на свой плес.

И вот, оставшись одна, она еще долго шла вверх по речке. Порой ее охватывало отчаяние. Речка от порога к порогу становилась все уже и мельче. Ей часто приходилось прыгать через кипящие буруны, со всего маху падать на острые камни, и когда она наконец вошла в свой плес, то не знала, радоваться ей или плакать. Такое вокруг все было маленькое, невзрачное. Сонный плес по краям зарос лопухом. Пороги – как она боялась их в детстве! – шепелявили, как беззубые старики. А ее быстринка, светлая быстринка, на которой она провела столько радостных и тревожных дней! Вялая, жиденькая косица воды, сиротливо жмущаяся к серому валуну. Какая-то пестрая рыбка, завидев ее, с испугом юркнула в водоросли. Неужели и она когда-то была такой же крохотулей?

Да, ни одна рыба не вышла ей навстречу. Море навсегда отделило ее от речных обитателей. Она здесь гостья, недолгая гостья. И все-таки она сейчас была рада, что снова у себя на родине. Семги живут по закону великого Лоха – и она исполнит его.

Лето стояло жаркое, знойное. Белые ночи, короткие и легкие, как вздох, не освежали воды, проросшей зеленой тиной. Дышать, было трудно. Вдобавок Красавку точил морской клоп, и она не могла смыть его в обмелевших порогах.

Тем не менее она мужественно переносила все испытания. По утрам она плясала, кидалась на щук, если те осмеливались выйти на плес. Пусть дохнут с голоду в своей поганой траве. Ведь защита слабых – это тоже исполнение закона великого Лоха. Он, великий Лох, не может быть несправедливым…

…Помутнели, погасли белые ночи. Над рекой заклубились густые туманы. Потом разразился дружный и благостный ливень. Река моментально вздулась. Зарокотали пороги. Это хорошо. Это река расчищает путь великому Лоху.

Красавка во сне и наяву грезила о нем. В черные осенние ночи она почти не спала. Вот сверху падает звезда, и ей уже чудится, что это сам великий Лох в звездном сиянии идет к ней. А что там за шум на пороге?

Плывут, кружатся листья по реке. Вот и солнце уже редко стало заглядывать на плес. А Лоха все нет и нет…

Как-то рано утром на плес заявился темно-розоватый запыхавшийся крючок.

– Пойдем на коп. Я уже который день ищу себе подругу.

– С тобой на коп? – Красавка едва не рассмеялась, так смешон и самонадеян был этот маленький нахал. – А что я там не видела?

– Как? Неужели тебя не тянет на коп? Все семги гуляют в это время на копах.

– Мне нечего там делать. Я жду великого Лоха.

– Великий Лох, великий Лох… – обиделся крючок. – Подумаешь, зафорсила…

Бедный дурачок! Он даже не понимает, о каком Лохе идет речь.

В следующие дни еще приходили крюки – маленькие, уродливые заморыши с длинными костлявыми головами.

и все они звали, умоляли ее пойти с ними на коп.

– О, какая ты бессердечная! – в один голос стонали они. – Зачем ты мучаешь нас?

Нет, она не хотела мучить их. Но что ей поделать с собой, если ее не тянет на коп? И потом, разве затем она пришла сюда, чтобы поиграть с этими молокососами на дресве?

Сыплет белой крупой сверху. По утрам ледяная корка вырастает у берегов. А великий Лох все еще не подает вестей о себе. Может быть, он забыл о ней? А может, она слишком самонадеянна? Кто сказал, что именно к ней, а не к другой семге придет царственный Лох?

Однажды, лежа на дне плеса и прислушиваясь к речным звукам, она вдруг почувствовала странное, незнакомое томление во всем теле. Ее неудержимо потянуло на дресву, на мелкий рассыпчатый галечник.

Она взмолилась:

– О великий Лох! Я старалась жить по твоему закону. Я долго ждала тебя. Почему же ты не идешь?

Немо и пусто вокруг. Ни звука не услышала она в ответ. «А может быть, я провинилась в чем-нибудь? – пришло ей вдруг в голову. – Может, я прогневила великого Лоха тем, что отказалась пойти на коп с его сыновьями? И он наказывает меня за гордыню? Но где, где они, эти крюки? Куда подевались?»

Она бегала взад и вперед по плесу, спускалась за пороги. Крюков не было.

Наконец, совершенно измученная, вся охваченная нестерпимым желанием, она приткнулась к дресве на приплаве у порога.

Была кромешная ночь. Плыли, сшибаясь в темноте друг с дружкой, мохнатые льдины. Хрустела дресва, скатываясь в порог.

Красавка рыла коп. Рыла неистово, безрассудно, повинуясь всесильному инстинкту продолжения рода. А потом, когда яма была готова, она обессиленно свалилась в нее и снова – в который раз! – зашептала горячо и призывно:

– О великий Лох! За что ты караешь меня? Ну пусть я недостойна тебя. Пускай забыл ты обо мне. Но ведь у тебя много сыновей. И что тебе стоит прислать одного из них. Ну хоть самого-самого захудалого крючка…

И только произнесла она эти слова, как в горловине порога послышался звон и грохот, а затем все вокруг задрожало от яркого, ослепительного света, точно само солнце заполыхало в ночи.

Ничего подобного не видела она в своей жизни. Это Лох, сам великий Лох идет к ней. Кто же еще может ходить в таком громе и лучезарном сиянии? Вот оно, счастье, вот награда за все страдания и муки, которые она претерпела в реке.

Сладостная истома волнами заливала ее тело. Она лежала на своем ложе притихшая, завороженная необыкновенным, сказочным сиянием, и ждала…

Удар был меток и беспощаден. Стальные зубья остроги попали ей в затылок. Она еще билась, хлестала хвостом, когда ее втащили в лодку…

– Семга! – ошалело и радостно закричал с кормы молодой здоровый парень, который шестом удерживал лодку.

– Тише ты, падло! – прохрипел бородатый мужик, с испугом озираясь по сторонам. – По штрафу заскучал… Живо к берегу!

Лодка качалась. Пламя козы – железной решетки с горящим смольем, укрепленной на носу, – шарахалось из стороны в сторону. В черное небо летели искры…

Вот и вся невыдуманная история одной семужьей жизни.

1962